

МИР ДЕТСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ч. ДИККЕНСА: КНИГА В РУКАХ РЕБЕНКА

Варвара Андреевна Бячкова

к. филол. н., доцент, доцент кафедры мировой литературы и культуры, кафедры английского языка профессиональной коммуникации
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
bvarvara@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3617-4902>

Статья поступила в редакцию: 12.11.2024

Статья рассматривает образ книги (преимущественно художественной литературы) в «детских главах» романа «Дэвид Копперфильд» и «Рождественской повести» Ч. Диккенса. Книга анализируется как парадоксальный символ несчастливости детства и одиночества. Одновременно, особенно в романе «Дэвид Копперфильд», литература предстает как источник вдохновения, моральной поддержки героя-ребенка, а также – как отсылка к будущей карьере Дэвида Копперфильда–писателя.

Ключевые слова: книга, детский образ, Ч. Диккенс, «Дэвид Копперфильд», «Рождественская повесть».

Внимание, которое Ч. Диккенс в своих произведениях уделял образам детей и проблемам незащищенного детства викторианской эпохи, широко известно. Писатель прошел долгий путь от классического «романтического» (и даже в какой-то мере идеализированного) образа ребенка до реалистического, постепенно углубляя, дополняя и усложняя психологический портрет маленького героя, делая его все более приближенным к реальной жизни (см. об этом, например, [Andrews 2000: 90]). При этом необходимо отметить, что важен не только психологический портрет героя-ребенка, но и репрезентация мира, в котором он живет: его быт, интересы и пр. Любопытно, что репрезентация быта, мира детей, вне зависимости от условий их жизни, содержит интересные подробности и детали даже на ранних этапах творчества писателя.

В этой статье хотелось бы обратить внимание на такую, несомненно важную для взрослеющего человека вещь, как книги. В романах Ч. Диккенса мы видим самую подробную зарисовку «читающего» героя в двух

произведениях: «Рождественской повести» (*Christmas Carol*, 1843) и романе «Дэвид Копперфильд» (*David Copperfield*, 1850). Книгу в романах Ч. Диккенса можно считать своего рода символом незащищенного детства, однако, символом сложным и даже парадоксальным.

С одной стороны, важно помнить, при каких обстоятельствах в названных произведениях возникает тема чтения и книг соответственно. Скрудж видит самого себя с книгой в руках, когда вместе с Духом Прошлого Рождества «восстанавливает» свою биографию. Мальчик Скрудж читает, оставшись совсем один в школе во время рождественских праздников. Примечательно, что Дух оживляет любимых литературных героев ребенка (как отмечают исследователи, любимых и самим Диккенсом (см. [Avery 2000: 239]), т.е. его единственных друзей, помогая Скруджу лучше вспомнить обстоятельства собственного детства и самого себя в юные годы: «они увидели одинокую фигурку мальчика, читавшего книгу при скудном огоньке камина... Внезапно за окном появился человек в чужеземном одеянии... – Да это же Али Баба!... Как раз на святках, когда этот заброшенный ребенок остался один, позабытый всеми, Али Баба явился ему... А вот и Валентин и его лесной брат Орсон... А вот и попугай! А вот он [Робинзон Крузо] и Пятница» [Диккенс 1959б: 35–36]. Встреча со «старыми друзьями» вызывает у Скруджа восторг пополам с жалостью к себе, одинокому, покинутому семьей ребенку (“There goes Friday, running for his life to the little creek! Halloa! Hoop! Halloo!”... Then, with a rapidity of transition very foreign to his usual character, he said, in pity for his former self, “Poor boy!”...” [Dickens 2021: URL]).

Дэвид Копперфильд открывает для себя библиотеку отца в самые тяжелые дни своего детства: почти сразу же после второго замужества матери: «После моего отца осталось небольшое собрание книг..., куда я имел доступ. Они не давали потускнеть моей фантазии и моим надеждам на совсем иную жизнь... Теперь я удивляюсь, как ухитрялся я находить время для чтения несмотря на то, что корпел над своими тягостными уроками... Эти книги были единственным и неизменным моим утешением» [Диккенс 1959а: 70]. Таким образом, книга и чтение символизируют одиночество, они выступают альтернативой отсутствующим друзьям, любящим родственникам.

С другой же стороны, вспомним образы детей из других произведений писателя. Мы не «увидим» с книгой в руках ни Оливера Твиста, ни Джо («Холодный дом»), ни мальчика Пипа (начало романа «Большие надежды») и пр. По-настоящему отторгнутые обществом дети, вынужденные с малых лет бороться за существование, выполняя порой настоящую, «взрослую» работу (или же окруженные невежественными

взрослыми, чья жизнь – тяжелый труд и бесконечная борьба с бедностью), не читают, не грамотны, а то и вовсе не знают о существовании книг. Наличие у ребенка книги, времени и возможностей для чтения – это уже определенный показатель благополучия, относительного достатка, надежд на образование и в целом – на будущее. Неслучайно Дэвид, работая в Лондоне в «Мэрдстон и Гринби», особо горюет по «надежде стать незаурядным, образованным человеком» и тому, что прочитанные книги «постепенно стирались из памяти» [там же: 187, 196].

Кроме того, вспомним, что Диккенс четко разделяет художественную литературу и литературу научную, учебную и пр. Отсутствие в жизни ребенка художественной литературы оказывается губительным. Художественные произведения определенно не входят в план доктора Блимбера «довести», «развить» Поля Домби (“bring him on” [Dickens 2002: 143]). Еще более яркий пример – роман «Тяжелые времена» и система воспитания мистера Грэдграйнда, в которой предпочтение отдается фактам, зубрежке и догматично понимаемому здравому смыслу. Чтение поэзии мистер Грэдграйнд считает пропуском, сопоставимым по серьезности с попыткой его детей увидеть цирковое представление (“I should have soon expected my children reading poetry” [Dickens 1994: 15]). В романе «Дэвид Копперфильд» также присутствует это разделение. Книги, по которым «учат уроки», – это мир жестокого отца мистера Мэрдстона и его сестры: мир насилия, отчаяния, самых разных душевных травм. Книги безобидны сами по себе, последний взгляд ребенка на нужную страницу книги, перед тем как «отвечать урок», Диккенс характеризует как “drowning” [Dickens 2000: 48] – утопающий взгляд» или «взгляд утопающего» (в любом случае – взгляд полный отчаяния, страха сбиться и забыть все, что учил).

Обсуждая образ книги в связи с темой детства в романах Диккенса, возникает соблазн поразмышлять также о гендерном аспекте темы литературы и чтения. Действительно, «читающие» дети в романах Ч. Диккенса – мальчики, в то время как девочки, в основном, заняты либо домашним хозяйством (Агнес Уикфилд в «Дэвиде Копперфильде») или играют в куклы (Эстер Саммерсон из «Холодного дома»). Может сложиться впечатление, что в «мире детства» Диккенса чтение – занятие исключительно для мальчиков. Косвенно его подкрепляет тот факт, что викторианские писательницы, авторы романов воспитания (например, Ш. Бронте и Дж. Элиот), уделяющие по-разному, но равно большое внимание так называемому «женскому вопросу» и проблеме эмансипации женщин, так или иначе выступающие за расширение возможностей самореализации для женщин, обязательно изображают своих героинь-де-

вочек (Джейн Эйр и Мэгги Талливер («Мельница на Флоссе»)) читающими. Однако нам видится, что о гендерном аспекте чтения у Диккенса нужно говорить с осторожностью. Диккенс в принципе редко подробно описывает детство героини (а не героя). Роман «Холодный дом» (*Bleak House*, 1853) – скорее исключение из правил. Отсутствие книг в жизни Эстер Саммерсон может быть объяснено обстановкой, в которой растет героиня, и символике образа девочки и куклы в романе (этому мы планируем посвятить отдельное исследование). Известно также, что, например, роман «Дэвид Копперфильд» отчасти автобиографичен (см. об этом [Катарский 1960: 177]), и можно предположить, что Диккенс описывает книги и детские впечатления, рожденные их чтением, основываясь на личном опыте (уже упомянутые нами отсылки к сказкам «Тысячи и одной ночи», присутствующие не только в «Дэвиде Копперфильде» и «Рождественской повести», но и «Тяжелых временах», это подтверждают).

Напоследок напомним, сколько драмы и иронии Диккенс неизменно вкладывает в образы девочек и девушек, воспитанных на книгах, но не художественных, а учебных и научных. Это и уже упомянутая нами Луиза Грэдграйд и Корнелия Блимбер («Домби и сын»). А вечера и ночи, которые Флоренс Домби проводит над книгами, пытаясь помочь брату в учебе, подаются автором как своего рода подвиг.

Возвращаясь к героям «Рождественской песни» и «Дэвида Копперфильда», обратим внимание на то, что хотя художественная книга и символизирует подчас одиночество ребенка и даже может быть орудием разрушения детской души в руках взрослых, книги – это отдушина, пристанище для ребенка, способ сохранить самого себя. Противостоять насилию, скуке, одиночеству. Серый мир мальчика Скруджа «расцветает» от чтения настолько, что даже спустя много лет он вспоминает об этом со «смягчившимся сердцем» и «счастливым, восторженным» лицом [Диккенс 1959б: 35].

В жизни заглавного героя романа «Дэвид Копперфильд» книги – это еще и воспитатели героя-ребенка. Мальчик с горечью осознает свое несовершенство и беспомощность, сравнивая себя с любимыми литературными героями, но при этом именно в книгах он учится мужеству и стойкости: «...капитан никогда не терял своего достоинства, получая подзатыльники английской грамматикой. Что до меня, то я его терял. Тем не менее капитан оставался капитаном и героем, невзирая на все грамматикой всех языков в мире – живых и мертвых» [Диккенс 1959а: 71].

Обратим также внимание на весьма любопытную разницу между тем, что читает Дэвид и что читает Скрудж. «Друзья» Скруджа – Али Баба (герой сказки), Орсон и Валентин (заглавные герои французского

средневекового романа примерно XIII в.), Робинзон Крузо, чью историю мальчик, судя по всему, также воспринимает как сказку. Дэвид тоже читает сказки («Тысяча и одна ночь», «Сказка джиннов») и роман Дефо, но список упомянутых литературных героев намного шире. Наряду с героями произведений авантюрно-приключенческого склада (Жиль Блаз, герои Т. Смоллета и др.) в нем присутствует имя Тома Джонса, а также герои «Векфильдского священника» [Диккенс 1959а: 70]. То есть получается, что Дэвид, в отличие от Скруджа, хотя и увлечен «книгами для мальчиков» (сказками и приключенческими романами), но любит и более серьезную литературу, пусть даже воспринимаемая ее, до поры до времени, по-детски. Про Тома Джонса, например, так и сказано: «детская версия Тома Джонса, безобидное существо» (“a child’s Tom Jones, a harmless creature” [Dickens 2002: 50]. Эту разницу можно объяснить жанром «Рождественской повести». Отчасти это сказка: исследователи неслучайно говорят, например, о сказочном дискурсе» произведения (см., например, [Синяева 2021]. В произведении есть и отсылки к другим сказкам, а присутствие сказочных персонажей более чем логично.

Также вполне возможно, что более широкий круг чтения Дэвида – это намек на его литературный талант и последующее литературное творчество. Здесь можно выделить два аспекта. Во-первых, будущий писатель открывает для себя национальную литературную традицию с тем, чтобы впоследствии ее продолжить, создать собственные произведения и сказать свое слово в литературе. Неслучайно взрослый Дэвид благодарен книгам за то, что они помогли ему сохранить воображение – одно из самых важных для писателя качеств: «Я видел, как Том Пайпс взбирается на колокольню, я наблюдал, как Стрэйп со своим мешком за плечами присаживается на изгородь отдохнуть, и я *знаю*, что командор Траньон встречается с мистером Пиклем в залеце нашего деревенского трактирчика» (курсив автора. – *В.Б.*) [Диккенс 1959а: 71].

Во-вторых, М.И. Крупенина в статье об эксцентричных персонажах романа совершенно справедливо отмечает литературные аллюзии в нем. Например, тетушка Бетси Тротвуд «внезапно появляется еще до рождения Дэвида и, как обиженная фея, также спонтанно исчезает... Однако в отличие от злой колдуньи, представленной в сказке, Бетси Тротвуд в действительности оказывается доброй феей» [Крупенина 2019: 69]. Иначе говоря, сказочные герои присутствуют не только на страницах читаемых героем книг, Дэвид замечает сходство с ними и реальных окружающих его людей. Можно пойти и еще дальше, вспомнив, с одной стороны, мистера Микобера, мистера Дика и даже «злодеев»

мистера Мэрдстона и Урию Гипа, а с другой стороны – гиперболлизированных, иронично «заостренных» персонажей Г. Филдинга. Влияние писателей XVIII в. на творчество Ч. Диккенса, в том числе Г. Филдинга, известно (см. об этом [Turner 2000: 240]). Однако в «Дэвиде Копперфильде» диалог с традицией проникает и в сюжет, и, соответственно, во внутренний мир героя-рассказчика. Получается, что и будущий писатель Дэвид, и сам Чарльз Диккенс проводят параллель между миром реальным и миром литературы, доказывая, насколько два мира близки друг другу и как много человек может узнать из книг, значительно обогатив свое понимание мира.

Таким образом, с одной стороны, читающий ребенок у Диккенса – это далеко не счастливый ребенок. Мальчик с книгой – еще одно воплощение вечной для писателя темы незащищенного детства. Но, с другой стороны, книга совершенно необходима ребенку как источник знания, средства морально-нравственного воспитания. У ребенка, лишенного книг, в том числе и художественной литературы, по Диккенсу, нет будущего. В то время как книга не только обучает и воспитывает, но и учит мечтать, а в случае с будущим писателем Дэвидом Копперфильдом – еще и развивает талант и готовит к будущей карьере.

Список литературы

Диккенс Ч. Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим. (Главы I–XXIX) / Ч. Диккенс. Собр. соч. в 30 т. Т. 15. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1959а. 527 с.

Диккенс Ч. Рождественские повести / Ч. Диккенс Собр. соч. в 30 т. Т. 12. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1959б. 508 с.

Катарский И. М. Диккенс. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1960. 272 с.

Крупенина М. И. Экцентричные персонажи в романе Диккенса "Дэвид Копперфильд" и мотив предчувствий // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 3. С. 67–71.

Синяева С. И. Универсальные черты сказочного дискурса на примере повести-сказки «Рождественская песнь в прозе» Чарльза Диккенса // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: Сборник материалов Второй всероссийской конференции с международным участием, Нижний Новгород, 21–22 мая 2021 года. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2021. С. 109–118.

Andrews M. Childhood // Oxford Reader's Companion to Dickens. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 90.

Avery G. Fairy Tales// Oxford Reader's Companion to Dickens. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 239.

Dickens Ch. A Christmas Carol in Prose. [e-book]. Gutenberg, 2021. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/46/pg46-images.html#link2> (last accessed: 30.09.2024).

Dickens Ch. David Copperfield. London: Wordsworth Classics, 2002. 750 p.

Dickens Ch. Dombey and Son. L.: Wordsworth Classics, 2002. 820 p.

Dickens Ch. Hard Times. L.: Penguin Popular Classics, 1994. 269 p.
Turner M. Fielding, Henry // Oxford Reader's Companion to Dickens. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 240.

THE WORLD OF CHILDHOOD IN THE NOVELS BY CHARLES DICKENS: A BOY READING A BOOK

Varvara A. Byachkova

Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of World Literature and Culture, in the Department of English Language of Professional Communication Perm State University

614068, Russia, Perm, Bukirev str., 15

bvarvara@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3617-4902>

Submitted 12.11.2024

The article examines the image of the child reading a book (mainly fiction) in *David Copperfield* and *The Christmas Carol* by Charles Dickens. The book is analysed as a paradoxical symbol of an unhappy childhood, a symbol of loneliness. At the same time, especially in the novel *David Copperfield*, literature appears as a source of inspiration, moral support for the main character, as well as a reference to the future career of David Copperfield as a writer.

Key words: book, children's image, Charles Dickens, *David Copperfield*, *Christmas Carol*.

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бячкова В. А. Мир детства в произведениях Ч. Диккенса: книга в руках ребенка // Мировая литература в контексте культуры. 2024. № 19 (25). С. 10–16.
doi 10.17072/2304-909X-2024-19-10-16

Please cite this article in English as:

Byachkova V. A. Mir detstva v proizvedeniyah CH. Dikkensa: kniga v rukah rebenka [The World of Childhood in the Novels by Charles Dickens: a Boy Reading a Book]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2024, issue 19 (25), pp. 10–16. doi 10.17072/2304-909X-2024-19-10-16